

Гайворонский А.Е.

К ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИЯХ КРЫМСКОГО ХАНСТВА И ГЕНУЭЗСКОЙ КАФЫ В ПРАВЛЕНИЕ ХАДЖИ ГЕРАЯ

В данной статье мы коснемся некоторых аспектов историографии отношений молодого Крымского ханства с его соседом - генуэзской Кафой, имевших место в правление Хаджи Герая.

Хаджи Герай, первый правитель независимого Крыма, был дальновидным стратегом, умевшим правильно оценить сложившуюся политическую ситуацию и в соответствии с этим направить свою деятельность. Это сыграло ключевую роль в решении им задачи, которую поставило время: оформление Крыма в качестве самостоятельной государственной единицы. Сделав верную ставку на обособление полуострова и отказавшись от дальнейшей борьбы за ордынский престол (*Смирнов, 1887, с.228; Fisher, 1978, p.4*) - приз почетный, но мало-полезный на практике - Хаджи Герай обессмертил свое имя как создатель жизнеспособного государства, в то время как его бывшие более удачливые противники в борьбе за трон Бату уже вскоре были преданы забвению.

Внешняя политика занимала важнейшее место в деятельности Хаджи Герая, и это вполне закономерно. Среди многочисленных причин, приведших к сепаратизации Крыма от дряхлеющего организма Батыевой империи, была и та, что тюркские жители Крымского полуострова оказались в значительно большей степени, чем их прикаспийские и поволжские братья, вовлеченными в орбиту международных отношений. К этому предрасполагало само географическое размещение Крыма, испокон служившего ареной соприкосновения, столкновения и переплетения насущных интересов самых различных держав и народов. Вспомним (не говоря об интересах более удаленных соседей Крыма), что на крохотной по восточноевропейским масштабам территории полуострова к началу правления Хаджи Герая располагалось три совершенно обособленных государственных образования: в степях и предгорьях - Крымский юрт Золотой Орды (уже достаточно сильно отличающийся от прочих областей империи и принадлежащий ей, по сути, лишь номинально (*Греков, Якубовский, 1950, с.420*)); в горах Юго-Западной части полуострова - грекоязычное княжество Феодоро (полуварварский сколок Византии); и на Юго-Восточном побережье - головная часть понтийских колоний Генуи.

Значение внешнеполитических связей для Хаджи Герая было тем более велико, что своим воцарением в Крыму он был во многом обязан поддержке своих зарубежных друзей, - в частности, литовского великого князя Витольда (*Греков, Якубовский, 1950, с.420*). Если истинны данные о том, что первый хан Крыма родился и рос в Литве (*Смирнов, 1887, с.228*), - можно утверждать, что с миром европейской международной политики Хаджи познакомился весьма рано.

Безусловно, пуская «крымский корабль» в самостоятельное плавание, Хаджи Герай должен был тщательно рассмотреть как внутренние предпосылки, так и внешние условия для этого. При нем Крым впервые стал независимым государством, ведущим самостоятельную политику, и впервые выступил на международной арене как отдельная сила.

Чрезвычайно важными в период становления государственности крымских татар стали отношения ханства со своим «ближним зарубежьем» и, в частности, с генуэзской Кафой. Столь сложная отрасль государственной политики, как внешняя, не может обойтись без четко определенного политического курса страны. Несомненно, такой у Хаджи Герая имелся и направлен он был - кроме прочего - и на превращение Крыма в равноправного и авторитетного участника международных отношений. Ниже мы познакомимся с мнениями о том, как этот курс претворялся Хаджи Гераем в жизнь в его отношениях с генуэзскими колониями.

Правление Хаджи Герая - менее изученный, по сравнению с последующими периодами, отрезок истории ханства. Волею судеб именно внешнеполитическая деятельность этого правителя наиболее полно отражена в имеющихся в распоряжении историков материалах (впрочем, судить о Крымском ханстве преимущественно по документам иностранных ведомств разных стран придется и исследователю более поздних страниц истории державы Гераев).

Отношения Хаджи Герая с Кафой освещены в источниках того времени значительно лучше, чем его внешние сношения на других направлениях. Контакты крымских татар с генуэзцами отражены прежде всего в административных документах Генуи и ее колоний (переписка Кафы с метрополией, донесения отдельных лиц, нормативные документы для колониальных властей). Эти источники наряду со всей прочей генуэзско-понтийской документацией были опубликованы в 1875 г. в издании Лигурийского общества отечественной истории. На русский язык этот всеобъемлющий свод целиком не переводился. Из других источников времен правления Хаджи Герая несколько особняком стоит дневник генуэзского хрониста Андре Гатари, изданный в 1903 г. итальянским историком Коджиоло. Его рассказ о крымских событиях 1434 г. приведен в труде Л.Колли (*Колли, 1913, с.110-120*).

Эти документы легли в основу всех работ по данному вопросу. Тема отношений генуэзской Кафы с Крымским ханством так или иначе поднималась практически каждым исследователем раннего периода государства

Гераев, начиная с цитируемого В.Смирновым анонимного автора старотурецкой «Истории Крыма» (Смирнов, 1887, с.261). Первой серьезной работой в этом направлении была «История генуэзских поселений в Крыму» Н. Мурзакевича. Важнейшим при изучении генуэзского направления внешней политики Крыма является сочинение Л.Колли, изданное в 1913 г. в Известиях Таврической ученой архивной комиссии.

Из числа советских историков, углубленно занимавшихся проблемой, назовем Э.Данилову.

Первые годы правления Хаджи Герая являются весьма туманным периодом не только внешней политики ханства, но и крымскотатарской истории в целом. Вспомним о том, что в историографии Крымского ханства представлено несколько дат восхождения Хаджи Герая на престол - от 1426-27 г. (Смирнов, 1887, с.209) до 1449 г. (Греков, Якубовский, 1950, с.412). Последняя дата - как и приведенная в работе В.Каргалова дата 1443 г. (Каргалов, 1980, с.68), встречающаяся в старопольских источниках - может быть смело отвергнута, поскольку ниже мы встретимся с упоминанием Хаджи уже в 1434 г. В.Смирновым наиболее солидно аргументировано восхождение Хаджи Герая на престол в 1427 г. (хотя это было, видимо, лишь краткосрочным достижением власти). После этого в известиях о нем наступает перерыв, длящийся до 1434 г., когда первый независимый крымский правитель вновь появляется в поле зрения исследователей, причем уже не как соперничающая сторона внутриаордынской борьбы за Крым, а как участник международных отношений, имеющий совершенно определенный курс внешней политики, касающейся прежде всего крымских соседей ханства.

Говоря о событиях 1434 г., нельзя обойти вниманием третьего участника внутрикрымской дипломатии - княжество Феодоро. Дело в том, что Хаджи Герай поддержал экспансию тамошнего правителя князя Алексея, направленную на генуэзские владения крымского южного берега, за которые в начале 15 в. между Феодоро и Генуей велась борьба. Отношения Феодоро с Кафой и ханством - тема отдельного разговора, отметим лишь, что удаленные от основного массива генуэзских колоний Юго-Восточного Крыма южнобережные владения Генуи являли собой полуанклавы в стратегически важных точках (в бухтах и на мысах) принадлежащей феодоритам береговой линии (Веймарн, 1968, с.78-81) и представляли серьезную помеху морской торговле, которую пыталось наладить Феодоро.

Заручившись обещанием ханской помощи, князь Алексей напал на генуэзскую крепость Чембало и, поддерживаемый местными соплеменниками, осенью 1433 г. овладел ею. Весной следующего года в бухту Чембало пришел генуэзский флот из 20 судов под командованием адмирала Карло Ломеллино, отбил у Феодоро Чембало и Каламиту и двинулся вдоль южного берега Крыма к Кафе. Оттуда адмирал безуспешно попытался завести переговоры с ханской столицей Солхатом, после чего вышел на нее с отрядом. Хаджи Герай отправился ему навстречу и без труда разбил войско Ломеллино (Колли, 1913, с.110-120). Таково первое из известных нам сношений Крымского ханства и Генуи.

Н.Мурзакевич не усматривает участия Хаджи Герая в экспансии княжества на генуэзские владения, а неудавшийся поход Ломеллино на Солхат толкует как ответ Генуи на грабежи татар в Кафе (Мурзакевич, 1837, с.61-62). Л.Колли, напротив, видит здесь интригу хана, желавшего по овладении ханским престолом подчинить себе и все нетатарские земли Крыма (Колли, 1913, с.109).

Вероятно, здесь уместно упомянуть о довольно еще шатком (Смирнов, 1887, с.239) положении Хаджи в Крыму. Мог ли первый хан быть заинтересован в открытии южного фронта в то время, когда весьма еще неустойчивой была ситуация на северном? (Как известно, Орда не признавала независимости Крыма) Помощь хана княжеству Феодоро может выглядеть как создание Хаджи Гераем противовеса Генуе в Южном Крыму, что подтверждается и дальнейшими отношениями хана с княжеством: Хаджи Герай всячески помогал Феодоро наладить морскую торговлю через единственный феодоритский порт Каламиту. Его протекционистская политика имела такой успех, что кафинцы были вынуждены жаловаться Генуе на отток грузооборота в Каламиту из кафинского порта. О феодоритах же колониальная администрация пишет: «Они могут никого не бояться, пока жив их отец и владыка - татарский хан» (Малицкий, 1933, с.39). Вспомним здесь и традиционную протатарскую ориентацию феодоритов, в свое время даже воевавших вместе с татарами против Литвы; их князья порой фигурируют в истории под татарскими именами (Бертъе-Делагард, 1918, с.35; Веймарн, 1968, с.125; Домбровский, Махнева, 1973, с.85; Якобсон, 1973, с.129).

Таким образом, не видно поводов к тому, чтобы обвинять Хаджи Герая в намерениях захвата княжества Феодоро. Вероятно, в этой внешнеполитической диспозиции хана удовлетворяло наличие в горном Крыму христианского союзника, являвшегося соперником Генуи. Покровительство Хаджи Герая феодоритам служило поддержанию равновесия сил на южной границе Крымского ханства.

Настороженность хана относительно Генуи может, среди прочего, объясняться и тем, что - как говорит польский историк Л.Подгородецкий - Кафа не признала власти Хаджи Герая и продолжала подчиняться хану Большой Орды (Podhorodecki, 1987, s.13). Это утверждение опровергается данными нумизматики, приведен-

ными В.Смирновым и О.Ретовским, - в Кафе располагался монетный двор, чеканивший монеты первого независимого крымского правителя с самого начала его царствования (*Смирнов, 1887; Ретовский, 1902*). Власти Кафы в силу характера генуэзских инструкций, предписывавших полное невмешательство в дела северного соседа, не должны были делать различий между тем или иным татарским правителем, сохраняя лояльность любому хану, придерживающемуся условий генуэзско-татарского соглашения. Однако Кафа с ее многочисленной татарской общиной действительно могла быть прибежищем противников курса Хаджи Герая, - независимо от официального курса городской администрации. Во всяком случае, в последующие десятилетия город исправно выполнял роль укрытия для всякого рода оппозиционеров (*Fisher, 1978, p.9*).

О времени после 1434 г. известно, что отношения ханства и Кафы нормализовались, и что в Солхат колониальными властями присылались щедрые подарки.

Следующим - хотя и не прямым - упоминанием о характере политики Хаджи Герая в отношении колоний являются статьи Устава Кафы 1449 г., переведенного и изданного В.Юргевичем в 1863 г. Среди его положений есть и непосредственно касающиеся контактов горожан с татарскими властями. Этих пунктов не столь много, но они тем не менее позволяют составить определенное представление о крайней осторожности генуэзских властей относительно таких контактов.

Статьи эти, кроме прочего, запрещают гражданам Кафы всякие сношения с представителями ханской администрации и с татарами вообще под угрозой крупного штрафа, и сообщают о существовании в Кафе круга лиц, являющихся тайными информаторами Хаджи Герая, «передающими татарам все секреты» и получающими за это подарки (*Юргевич, 1863, с.739*). Любой разговор с ханским посланцем возможен для кафинца лишь после того, как представитель ханства закончит свои официальные переговоры с консулом (впрочем, тут по особому решению городской администрации возможны и исключения) (*Юргевич, 1863, с.739*).

Далее речь идет о четком разграничении в городе сфер полномочий двух существовавших там с 14 в. властных структур: татарской и генуэзской. Так, жителям Кафы строго запрещено вмешиваться каким-либо образом в сбор пошлин *канлюками* (термин *канлюк* - безусловно, передача татарского *hanlik* - означает здесь представителей ханства) (*Юргевич, 1863, с.741*). Вместе с тем и верховному представителю ханской администрации в городе - тудуну - запрещается длить свою власть над теми из бывших ханских подданных, которые, прожив в колониях больше года, перешли в гражданство Генуи (*Юргевич, 1863, с.763*).

Два последних положения, несомненно, отражают сложившуюся (и в глазах кафинских властей - порочную) практику, когда ханские налоги, взимаемые в Кафе, отдавались на откуп жителям города, среди которых, понятно, таким образом формировалась прослойка, зависимая от хана; а также, видимо, попытки ханской администрации контролировать жизнь не только ханских подданных в Кафе, но и в целом всех выходцев из ханства, хотя бы и принявших подданство Генуи.

Возникает впечатление, что Хаджи Герай пытается включить под свою власть как можно больший круг кафинских граждан, стараясь создать себе опору среди населения города. Показателен и факт сбора им в Кафе секретной информации, являющийся неотъемлемой чертой международной дипломатии вообще. Кафа, в свою очередь, как видим, пыталась оградить свои интересы от вышеназванных притязаний Хаджи Герая.

Судя по всему, Кафа с трепетом относилась к своему могущественному соседу. В интересах Хаджи Герая было поддерживать такую свою репутацию, для чего он пользовался чисто ордынскими приемами придания себе авторитета.

Так, из приведенного Э.Даниловой письма епископа Кампори, обличавшего перед Генуей колониальную администрацию, известно, что в 1451-52 гг. хан посылал в Кафу своих личных представителей с требованием даров. В городе дважды побывала мать правителя; из Кафы вернулся богато одетым и щедро одаренным сын хана, нарочно отправленный туда в нищенском платье; в Кафу приходил и некий родственник Хаджи, нашедший всевозможные предлоги для получения крупной суммы золотом (*Данилова, 1974, с.201*). Кампори обвиняет отцов города в том, что те слишком легко соглашались с требованиями подобных гостей.

Здесь мы вплотную подходим к рассмотрению событий, имеющих весьма сложный и противоречивый характер. Епископ пишет, что едва Хаджи Герай увидел на этих примерах податливость и сговорчивость Кафы, он тут же направил послов к Мехмеду II, предлагая тому совместное нападение на колонию, причем город перешел бы в собственность хана, а жители его пополнили бы число невольников султана (*Данилова, 1974, с.201*).

Итак, - какие же события описывает епископ? Летом 1454 г. к городу подошла эскадра кяхьи Демира, состоявшая из 56 судов и уже успевшая по пути к Кафе навести страх на кавказское побережье. Прибыв, турки потребовали у Кафы провизии (и получили отказ), а затем предприняли попытку штурма города. В это же самое время к предместьям Кафы из степи пришел Хаджи Герай с шестью тысячами всадников и вступил с османами в переговоры, после чего турецкий флот получил из Кафы припасы, поднял якоря и ушел искать добычи далее вдоль крымского побережья (*Колли, 1913, с.127-129*). Хаджи Герай же предложил кафинцам

заклучить с ним союз, что и было принято городом, обязавшимся выдать крымскому правителю 600 соммов (□125 кг серебра) единовременно, а также повысить на 150 аспров в день свои обычные выплаты хану, составившие 3-5% таможенных сборов Кафы (*Данилова, 1974, с.211*).

Многие исследователи не сомневаются в том, что турки пришли в Крым по приглашению Хаджи Герая, а появление крымскотатарского войска у стен Кафы было не чем иным, как условленной помощью хана турецкому десанту.

В.Гейд говорит даже о том, что Хаджи с самого начала объявил Кафе войну и заключил с Турцией наступательный союз против колоний, - поэтому приглашение в Крым османов явилось логичным следствием агрессивной политики ханства и раболепства перед ним генуэзцев (*Гейд, 1915, с.155*). К мнению о том, что Хаджи Герай, заключив по инициативе султана наступательный союз, обязывался осаждать Кафу с суши в то время, как с моря к ней подступал бы турецкий флот, склоняется и М.Волков. Он же дает и примечательное наблюдение: пока к городу не подошло крымскотатарское войско, османы, придя в Кафу, не обнаруживали никаких враждебных к ней намерений, ограничиваясь закупкой припасов (*Волков, 1876, с.114*). О намерении Хаджи Герая заключить с османами антигенуэзский союз пишут Е.Зевакин и Н.Пенчко (*Зевакин, Пенчко, 1940, с.10*). В.Возгрин сообщает о заключении такого договора по приходе эскадры в Кафу (*Возгрин, 1992, с.145*). О подобном соглашении говорят и зарубежные авторы (*Podhorodecki, 1987, s.15; Fisher, 1978, p.5*).

Это мнение отражено и в работе Л.Колли, сообщающего о письмах кафинцев в Геную, в которых описываются движения османского флота к Кафе, звучат просьбы помощи и извещения о турко-татарском договоре по поводу покорения Кафы. Турки, полагает Колли, сами были намерены заключить подобный союз, имея в перспективе облегчить себе будущий поход, нацеленный на окончательный захват Кафы (*Колли, 1913, с.124*).

Однако В.Смирнов не находит в турецких источниках убедительных доказательств существования такого договора и предполагает, что случайное появление турецкой эскадры дало хану удобный повод для того, чтобы припугнуть Кафу и вынудить у нее выплату очередной денежной суммы. Всю историю с заключением формального соглашения между ханом и султаном он считает выдумкой кафинских властей, оправдывавших ссылкой на форс-мажорные обстоятельства свою неумелую политику и трусость, приведшие к потере городом значительных сумм на выплаты хану (*Смирнов, 1887, с.261-262*).

Если стремление к наступательному союзу теоретически и приложимо к османской стороне, готовящей превращение Черного моря в «турецкое озеро», то наличие такого намерения у крымского хана сомнительно. Л.Подгородецкий, касаясь чуть более позднего времени, говорит, что Хаджи Герай пытался заручиться поддержкой польского короля из опасения перед турецкой экспансией в черноморском бассейне (*Podhorodecki, 1987, s.17*). Такие опасения могли быть вполне оправданы.

Достаточно представлять себе политический курс Мехмеда II Фатиха, чтобы усомниться в приемлемости для османов того варианта договора, который - по мнению некоторых из упомянутых исследователей - был предложен Хаджи Гераем султану. Ибо договор этот предусматривал для Крыма - территориальные приобретения, а для Турции - лишь военную добычу (*Колли, 1913, с.126*), в то время как вся деятельность Мехмеда была неизменно направлена именно на территориальные захваты. Кроме того, как отмечает В.Смирнов, Мехмед II не был склонен к заключению каких-либо договоров вообще, предпочитая действовать самостоятельно и не связывать себя обязательствами (*Смирнов, 1887, с.261*). Если турки намеревались взять Кафу, то маловероятно, что они сделали бы это лишь затем, чтобы отдать город крымцам.

Л.Колли в качестве аргумента к существованию подобного крымско-османского договора приводит сообщения о намерении Хаджи Герая избавиться от соседства христиан (*Колли, 1913, с.126*). Относительно такого положения можно указать, что во внешне- и внутривнутриполитической деятельности Хаджи Герая трудно найти примеры поступков, мотивированных религиозной нетерпимостью. Здесь стоит вспомнить и его дружбу с Литвой, и его помощь православным соперникам Генуи в Феодоро. Кроме того, в международных отношениях того времени все явственнее проступал принцип расчетливого практицизма, не оставлявший места в политике религиозной романтике, - вспомним хотя бы существование двадцатью годами позже двух блоков в Восточной Европе, объединявших с одной стороны Польшу, Литву и Орду, а с другой - Крым, Московию и Казань.

Хаджи Герай, конечно же, был осведомлен о характере политики Мехмеда и о его намерениях (*Смирнов, 1887, с.244*). Идею суверенного государства, которое Хаджи Герай строил, освободив страну от ордынской зависимости, более отвечало соседствованию с покорными и почтительными мелкими государственными единицами, каковыми являлись Феодоро и колонии, нежели с владениями мощной экспансионистской державы Мехмеда II, только что сокрушившего Восточно-Римскую империю. Захват османы Кафу в 1454 г. - хану едва ли удалось бы сохранить для себя этот щедрый источник доходов.

По сути, Кафа была в распоряжении Хаджи Герая и безо всякого захвата: большинство ее населения составляли татары (*Колли, 1913, с.108*), ханские подданные имели свободный доступ в земли колоний, обладая при этом правами экстерриториальности, будучи управляемы ханским наместником и судимы ханским судом.

Да и среди граждан Кафы, как видим, были те, кто оказывал ханству услуги политического характера и был связан с властными структурами ханства экономически. Здесь стоит вспомнить и о том, что ослабевшая Кафа, страдавшая от перекрытия османами Черноморских Проливов, обладала весьма незначительным оборонным потенциалом. О негодности к обороне города многих крепостных сооружений сообщает в 1454 г. казенный строительный подрядчик Ассеретто (*Колли, 1913, с.124*), в неспособности защитить Кафу от турок признается сам генуэзский дож (*Секиринский, 1966, с.167*), недостаток средств на укрепление города - постоянная тема посланий кафинцев в метрополию. Пожелай Хаджи Герай и впрямь захватить Кафу - много ли сил мог противопоставить его наступлению город, после закрытия Проливов пребывающий в полном развале (*Волков, 1872, с.121*)? Прецеденты взятия Кафы татарами были, и относились они к не столь давним позднеордынским временам, когда положение генуэзцев в Черноморье было устойчивее, чем теперь.

Кафа имела развитую и устоявшуюся торговую структуру, приносившую Хаджи Гераю стойкий доход в виде дани, пошлин, и - как видно из сообщения Кампори - единовременных выплат по первому требованию правителя. Сложно представить, что всего этого хан был готов лишиться из соображений предполагаемой ненависти к христианам, как и трудно предположить, что турки довольствовались бы лишь взятием ясыря, предоставив Крыму самому распоряжаться таким неиссякаемым источником доходов, как кафинский порт. Если бы даже Хаджи Герай и имел какие-либо далеко идущие планы относительно Кафы, то едва ли в них было место туркам (как, кстати, 20 лет спустя не нашлось места крымцам в захваченной турками Кафе).

В такой ситуации от Хаджи Герая, всегда хорошо сознававшего свои интересы, видится более верным ожидать не приглашения в Крым сильных и неконтролируемых интервентов, а выступления в защиту сферы своего влияния в Крыму, откуда ему удалось изгнать былых ордынских хозяев и где он сумел установить прочный контроль над своими южными соседями. В этом свете демонстрация Хаджи Гераем своих сил при Кафе выглядит как предупреждение туркам, вторгшимся в зону влияния Крымского ханства.

Что же все-таки заставило османов отступить, не предприняв ни серьезной атаки на стены города (потери гостей составили лишь 10-15 человек (*Давыдова, 1974, с.211*)), ни попытки осады? Что явилось причиной этому: слабосильность эскадры из 56 судов, неприступность ветхих кафинских укреплений или же молчаливое присутствие шеститысячной татарской конницы? Учитывая, что предыдущая деятельность Хаджи Герая не дает оснований заподозрить его в склонности делиться с кем-либо плодами своей победы в Крыму, можно предположить, что присутствие ханской армии у Кафы могло быть задумано Хаджи Гераем в качестве фактора сдерживания.

Если это так - Хаджи получил свою награду от генуэзских властей вполне заслуженно.

О своих планах и намерениях он кафинцам, естественно, не сообщал, - и те действительно могли быть напуганы появлением его войск, что и отразилось в донесениях в Геную.

Тем не менее, первый правитель Крыма остается верен прежним приоритетам, таким, например, как протекционизм в отношении к Феодоро. Кафинские документы 1454-58 гг. полны жалоб на правителей Феодоро, развивающих свою морскую торговлю к большому ущербу для доходов Кафы (*Бертъе-Делагард, 1918, с.7; Данилова, 1974, с.209; Малицкий, 1933, с.39*). В этом княжестве самым активным образом помогает крымский хан, направляя свой импорт исключительно через Каламиту (*Гейд, 1915, с.161; Данилова, 1974, с.209*), вызывая крайнее неудовольствие генуэзцев. Это неудовольствие, видимо, и было использовано претендентами на крымский престол. В послании метрополии Кафе от 18 июля 1456 г. есть совет «воспользоваться дружбой и помощью нового хана» (*Колли, 1913, с.133*). Имени хана документ не называет, но Колли устанавливает, что речь идет об Айдере бен Хаджи Герае, узурпировавшем отцовский престол на несколько месяцев. (Ф.Брун видит в новом хане или одного из ханских сыновей, или родственника ордынского правителя Сеид Ахмеда (*Брун, 1872, с.159*). М.Волков полагает, что в 1456 г. Хаджи Герай умер, и его сменил сын - Менгли (*Волков, 1872, с.143*). Л.Подгородецкий же считает, что власть в Крыму в это время захватил хан Большой Орды (*Podhorodecki, 1987, s.17*).) При всей разногласии в определении личности узурпатора во всех сообщениях четко прослеживается одно: на этот раз генуэзцы явно поддержали соперника крымского хана. Даже метрополия, всегда настаивавшая на принципе строгого нейтралитета Кафы в отношении внутритатарских дел, в своих предписаниях колониальным властям в ноябре 1456 г. повелевала им предоставлять новому правителю всяческое содействие и поддержку, не отказывая ему ни в чем, пока тот не одержит победы (*Брун, 1872, с.159; Волков, 1872, с.143*).

Если крымский хан был заинтересован в наличии в генуэзских колониях верных себе людей, то нелепо отрицать обратную заинтересованность у Кафы. Конечно же, кафинские власти желали видеть на крымском престоле правителя дружественного, склонного прислушиваться к их советам и не столь заносчивого, как к Хаджи Герай. В чрезвычайно сложной ситуации 1456 г., когда от отношений с соседом жизнь Кафы зависела значительно больше, чем прежде, соискатель престола, обещавший городу дружбу, снижение выплат и тому подобные блага, и впрямь мог сыскать симпатии Генуи.

Однако предприятие Айдера не удалось. Если Кафа и употребила все усилия для помощи ему, то нового правителя не приняли сами крымские татары, вскоре изгнавшие его в Литву (*Колли, 1913, с.135; Колли, 1918, с.130*).

Следовало бы ожидать, что Хаджи Герай, вернувшись на престол, предпримет репрессии против города, поддержавшего его соперника. Об этом говорит в своем труде Л.Колли, однако ни он, ни другие исследователи не приводят фактов, позволивших бы проиллюстрировать такое предположение. Напротив, В.Гейд утверждает, что после событий 1456 г. курс Хаджи Герая по отношению к колониям изменился в благоприятную для них сторону (*Гейд, 1915, с.175*).

Отныне - и до самого конца правления Хаджи Герая в 1466 г. отношения ханства и генуэзских владений в Крыму более не были отмечены какими-либо яркими событиями. Стороны будто бы потеряли интерес друг к другу. Кафинские власти, судя по данным официальных документов, больше были заняты контактами с Феодоро, нежели с ханством. (Отметим, что отношения Кафы и Феодоро перед угрозой нападения общего противника - Османской империи - в значительной степени нормализовались, однако продолжали оставаться двойственными. В переписке колоний с Генуей князь Феодоро фигурирует под кодовым именем *dubius* - «ненадежный» (*Малицкий, 1933, с.42*)).

Кстати, не той же самой ли причиной (угрозой османской экспансии в Крыму) объясняется и молчаливый мир Кафы с ханством?

Этому есть и иное объяснение. Л.Подгородецкий сообщает о том, что в 1462 г. Кафа обратилась к польскому королю с просьбой о покровительстве, и тот принял ее под свою недолгую и лишь формальную опеку (*Podhorodecki, 1987, p.17*). В.Гейд толкует данное событие как просьбу Кафы принять ее в союзники при заключении королем трактата с ханом и султаном (*Гейд, 1915, с.167*). Л.Колли добавляет, что в случае успеха кафинцы обещали помочь королю «деньгами и делом» (*Колли, 1905, с.12*).

Польский протекторат над колониями - даже если о таковом и шла речь - установлен не был, но в 1463 г. колониальная администрация все же договорилась с поляками об оказании городу помощи с целью его защиты от вероятного вторжения османов. В Кафу отправился полутысячный наемный отряд. По дороге в Крым - в землях Украины - наемники занялись разбоем, и были перебиты, так и не дойдя до Кафы (*Мурзакевич, 1837, с.71; Смирнов, 1887, с.245*). Тем не менее сам факт подобных контактов Кафы и Польши может объяснить, почему Хаджи Герай позволил городу, вынужденному сконцентрировать все свои военные силы в ожидании удара с моря (*Смирнов, 1887, с.245*), не тревожиться за свой тыл. Кафа стала союзником Польши, старого друга крымского хана. Если колонии теперь и не находились в прямом альянсе с Крымом, то благосклонность к ним короля в любом случае имела значение для Хаджи Герая.

Поступали ли к хану в это время предложения захвата города? Доподлинно известно лишь об авантюре, которую в 1464-65 гг. планировал предпринять таманский князь Гуизольфи, отказавшийся подчиниться колониальной администрации и ставший в своем уделе неподвластным Кафе царьком. Он направил хану послание с предложением совместного захвата Кафы. Письмо попало в руки генуэзцев, Гуизольфи был захвачен, и ему пришлось несколько лет провести в тюрьме в ожидании казни за предательство, пока по просьбе преемника Хаджи Герая он не был помилован (*Колли, 1912, с.97*).

Последнее событие в правление Хаджи Герая, имеющее некоторое отношение к насущным интересам Кафы, произошло в 1466 г., последнем в наполненной большими свершениями жизни первого крымского хана. В Крым прибыл папский представитель, предложивший хану присоединиться к антитурецкому альянсу. Хаджи Герай не вошел в него, поскольку эта идея не была принята его польско-литовскими союзниками (*Смирнов, 1887, с.244; Крымский, 1998*). Тем не менее весьма примечательно, что в Западной Европе Хаджи Герая рассматривали как потенциального участника борьбы против османов, и, вероятно, этому были основания.

Так закончилась эпоха Хаджи Герая, - эпоха, отмеченная настороженностью в отношениях созданного им независимого государства и соседних генуэзских колоний. Даже признав, что суждения о ненависти хана к генуэзцам сильно преувеличены и что в определенной ситуации он выступил в качестве защитника своих интересов в Кафе перед иностранным посягательством, - другом Генуи его назвать все же будет нельзя. Однако, может быть, стоит предположить, что международная политика такого деятеля, как Хаджи Герай, строилась скорее на соображениях здравого смысла и практического расчета, нежели религиозного романтизма.

Для европейских исследователей последующих столетий турки и крымские татары (частью в силу их профессионального единства и этнического родства, частью в результате опыта турецкого верховенства над крымскотатарским государством в 1478-1771 гг.) сливаются в некую однородную общность. Такой подход вряд ли применим, когда речь идет о дотурецком Крыме. Жителей Крымского полуострова и Малой Азии разделяло не только море. Османское и Крымское государства имели в основе совершенно разные политические традиции; сильно разнился и исторический путь турок и крымцев. Интересы османов в Черноморье имели мало общего с интересами крымских татар, вступая с ними в противоречие. В.Смирнов считает, что хан едва ли

был заинтересован в присутствии в Крыму пусть и единоверного, но совершенно чуждого в политическом отношении (и - добавим - превосходящего в силе) элемента (*Смирнов, 1887, с.262*).

Хаджи Герай, готовя своему государству роль регионального гегемона, имеющего своих вассалов (Феодоро), свои зоны особых интересов (генуэзские колонии) и ведущего политику правопреемника Золотой Орды в отношениях с северными соседями и татарами материка, не был склонен приветствовать проявления в регионе подобных устремлений других держав, поэтому считать крымского хана проводником турецкого наступления на Северное Причерноморье, по меньшей мере, нелогично.

Что касается собственно отношений Хаджи Герая с Кафой, - он, как видим, рассматривал ее в качестве отдельной политической силы в сфере своего влияния. Силу эту он пытался уравновесить, используя внешние и внутренние рычаги воздействия как на границах колоний, так и в самой Кафе. Город был для него источником доходов, разрушение которого - турками или крымцами - равно явилось бы потерей для благосостояния ханства.

Для колоний правление Хаджи Герая было невероятно трудным периодом, когда практически пресеклось их сообщение со Средиземноморьем. Разумные уступки и лояльность (впрочем, тут бывали и объяснимые исключения) к правителю, совершенно сознательно наводившему трепет на город, были единственным условием для выживания колоний в резко усложнившейся обстановке, когда они остались, по сути, один на один с державой Гераев и соперничающим горным княжеством. В этой ситуации сторонам удалось найти приемлемую формулу сосуществования, при которой колонии, хотя и будучи постоянно настороже, все же находились в безопасности, а Крымское ханство сохраняло для себя источник столь необходимых строящемуся государству средств.

* * *

В последние годы правления Хаджи Герая в Кафе уже находился человек, которому суждено было открыть свою эпоху в истории Крыма, даровать кафинцам долгожданную дружбу ханства, а также увидеть гибель Генуэзской Таврики и смириться с сюзеренитетом нового «старшего брата» над собственной страной. Речь идет о Менгли Герае, - достойном преемнике своего выдающегося отца.

ЛИТЕРАТУРА

- Бертъе - Деларгд А. Л. Каламита и Феодоро //ИТУАК. - 1918. - №55. - С.1-45.
БрунФ. О монетах генуэзских, находимых в России //ЗООИД. - 1872. - Т.8. - С.141-167.
Веймарн Е.В. Во владениях господ Феодоро / В кн.: «Дорогой тысячелетий».- Симферополь: Крым,1966. - С.119-133.
Веймарн Н.В. О двух неясных вопросах средневековья Юго-Западного Крыма // Археологические исследования Юго-Западного Крыма - К.: Наукова думка,1968. - С.45-83.
Возгрин В.Е. Исторические судьбы крымских татар. - М.: Мысль, 1992.
Волков М. Четыре года города Кафы: 1453,1454,1455,1456 //ЗООИД. - 1872. - Т.8. - С.111-144.
Гейд В. История торговли Востока в средние века . Перевод Л.П.Колли //ИТУАК. - 1915. - №52. - С.137-185.
Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. - М. - Л.,1950.
Данилова Э.В. Каффа в начале второй половины XV в. // Феодалная Таврика. - К.: Наукова думка, 1974. - С.189-215.
Домбровский О.И., Махнева О.А. Столица феодоритов. - Симферополь: Таврия,1973.
Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. Из истории социальных отношений в генуэзских колониях в Северном Причерноморье в XV в. //Исторические записки. - 1940. - Вып.7.
Каргалов В.В. Конец ордынского ига. - М.: Наука,1980.
Колли Л.П. Кафа в период владения ею Банком св.Георгия //ИТУАК. - 1912. - №47. - С.75-113.
Колли Л.П. Хаджи Герай и его политика (по генуэзским источникам). Взгляд на сношения Кафы с татарами в XV в. //ИТУАК. - 1913. - №50. - С.99-140.
Колли Л.П. Христофоро ди Негро, последний консул Сольдаи. //ИТУАК. - 1905. - №38. - С.1-29.
Крымский А.Е. Страницы из истории Крыма и крымских татар. Перевод А.И.Губаря. // «Голос Крыма». - №233. - 20 февраля 1998 г.
Малицкий Н.В. Заметки по эпиграфике Мангупа //Известия ГАИМК. - 1933. - №71.
Мурзакевич Н. История генуэзских поселений в Крыму. - Одесса,1837.
Секиринский С.А. Кафа. Солдаия. Чембало. / В кн.: «Дорогой тысячелетий». - Симферополь: Крым, 1966. - С.149-169.
Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в. - СПб.,1887.
Юргевич В. Устав для генуэзских колоний на Черном море, изданный в Генуе в 1449 г. //ЗООИД. - 1863. -

T.5. - C.629-837.

Якобсон А.Л. Крым в средние века. - М.: Наука, 1973.

Fisher A. The Crimean Tatars. - Stanford: Hoover Institution Press, 1978.

Podhorodecki L. Chanat krymski i jego stosunki z Polska. - Warszawa: Ksiazka i Wiedze, 1987.